

Империя Молань, семья Шэнь.

В огромной спальне по хрустальной люстре пробежали яркие блики. В мягком, ослепительно-белом свете мужчина с черными прядями волос, рассыпанными по плечам, невозмутимо открыл глаза. Его взгляд, словно мерцающие звезды, прорезал полумрак.

Безупречно правильные черты лица, которые всегда казались застывшими, как и глаза, в глубине которых таилась непроглядная тьма, внезапно дрогнули. После долгого молчания на губах мужчины проступила странная, едва уловимая улыбка.

Через мгновение бледная, изящная рука с небрежным изяществом коснулась алых губ. В свете ламп кожа пальцев казалась почти прозрачной, словно выточенной из тончайшего хрусталя. Улыбка становилась все более вызывающей и дерзкой, почти свирепой, но при этом пугающе прекрасной.

И все же в комнате царила мертвая тишина.

Эта сцена выглядела настолько странно, что стоявший поодаль слуга почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он всего лишь пришел передать слова дворецкого о том, что генерал-полковник Янь прибыл в поместье, но кто бы мог подумать, что он застанет своего господина, обычно столь учтивого и сдержанного, в столь... неадекватном состоянии?

В этот момент мужчина под лампой пошевелился. Он погладил синий кристалл в форме слезы на своей правой руке, и уголки его губ приподнялись. Тихий шепот прозвучал словно признание в любви:

— Я испробовал все средства, но ты так и не показался. А стоило прислать приглашение на этот пошлый, бессмысленный вечер, как ты снизошел до визита... Янь Хуайцзинь, ты сам меня вынудил.

Слуга, стоявший в стороне, покрылся холодным потом. Имя Янь Хуайцзиня было известно каждому в империи. В свои двадцать с небольшим он получил Орден Молань, а затем в звании первого генерал-полковника возглавил Палату боевого управления. До него подобный подвиг совершил лишь легендарный Шэнь Тянь, установивший рекорд в двадцать девять лет.

Янь Хуайцзинь же опередил это достижение на три года. В двадцать шесть он повел войска против империи Гуцзи, разгромил сотни тысяч вражеских солдат, лично разработал план по устранению вражеского главнокомандующего и вернулся с триумфом. В день возвращения глава империи лично вручил ему Орден Молань — высшую награду государства.

И теперь этот человек стал опорой империи, сменив на этом посту Шэнь Тяня. Слуга не мог даже представить, что его господин собирается сделать с таким человеком и возможно ли это вообще.

Час спустя ему выпала сомнительная честь узнать ответ.

Банкетный зал семьи Шэнь.

Мягкие черные пряди волос естественно обрамляли лицо Шэнь Фаня. С безупречной, вежливой улыбкой он неспешно появился перед гостями. Его манеры, речь, обходительность — все выдавало в нем истинного джентльмена. И только лишь заметив человека, стоявшего в одном кругу с его отцом, Шэнь Фань на долю секунды менялся в лице, и в его глазах вспыхивало что-то, понятное лишь ему одному.

Как и ожидал Шэнь Фань, мужчина сегодня был в том же самом, уже привычном темно-синем мундире. Идеально скроенная военная форма подчеркивала его гордую, статную фигуру. Прямая спина, уверенная поступь — каждое движение было выверенным, четким, лишенным малейшего изъяна. Даже стоя в самом темном углу, он излучал такое величие, которое невозможно было скрыть или затмить.

Шэнь Фань жадно, словно голодный зверь, изучал каждую черту лица этого человека. Спустя мгновение он опустил веки, скрывая темный блеск в глазах, а уголки его губ опасно дрогнули.

Обменявшись парой дежурных фраз с какой-то знатной дамой, Шэнь Фань сослался на дела и отошел. Поставив бокал на поднос слуги, он взял новый, поправил выражение лица и направился к статному мужчине.

— Отец.

Подойдя к ним, Шэнь Фань сперва почтительно поклонился стоявшему рядом Шэнь Тяню. Тот, окинув взглядом довольно кричащий небесно-голубой костюм сына, едва заметно нахмурился и кивнул:

— Здоровье поправилось?

— Намного лучше, — Шэнь Фань сохранял прежнюю вежливость, и лишь при взгляде на молчаливого спутника отца в его глазах промелькнула искра, которую можно было принять за игру света. — Благодарю за беспокойство, отец.

После этих слов воцарилось молчание. Шэнь Тянь с недоумением перевел взгляд с одного на другого и наконец произнес:

— Хуайцзинь — гость, не смей забывать о приличиях. Я отойду, перекинусь парой слов с твоими дядьями.

— Слушаюсь, отец.

Когда Шэнь Тянь ушел, тишина между ними стала еще тяжелее. Проходящие мимо люди, казалось, хотели подойти и заговорить, но, почувствовав странную атмосферу, царившую вокруг этой пары, поспешно отступали.

К удивлению многих, первым тишину нарушил Янь Хуайцзинь:

— Если болен, иди отдыхай. Не нужно притворяться.

— Притворяться? — Шэнь Фань, блуждая взглядом, рассмеялся и сделал шаг вперед, в упор глядя на мужчину.

Тот едва заметно нахмурился, но не отстранился. Шэнь Фань, привыкший действовать нагло, воспользовался моментом и подошел еще ближе, почти вплотную. Он приподнял подбородок и с усмешкой посмотрел на него:

— Ты так хорошо меня знаешь?

— Шэнь Фань.

В глазах мужчины, словно обсидиан, читалась кристальная ясность. В них не было ни тени лжи, ни брезгливости, ни скрытого гнева — лишь спокойствие. Но в этом ровном, лишенном эмоций голосе Шэнь Фань слышал нечто, от чего у него закружилась голова.

— Если бы однажды, произнося мое имя, ты вложил в него хоть каплю чувств... — Шэнь Фань подался вперед, в его карих глазах отразилось странное волнение. — Я бы счел за счастье умереть в ту же секунду.

Взгляд мужчины вмиг стал острым, как лезвие клинка, но тут же вновь успокоился, став глубоким и безмятежным, как омут.

— Ты единственный сын генерала Шэня. Я сделаю вид, что не слышал этих слов. Прошу, господин Шэнь, больше к этой теме не возвращаться.

Сказав это, он развернулся, собираясь уйти. Лицо Шэнь Фаня изменилось, он резко схватил его за запястье, до побелевших костяшек:

— Янь Хуайцзинь, ты действительно настолько бессердечен?

— Еще одна подобная выходка, — мужчина не обернулся, его голос прозвучал низко и глухо, — и впредь, где бы ты ни появился, я буду держаться на расстоянии десяти миль.

Шэнь Фань застыл. Он чувствовал, как на них устремлены десятки любопытных взглядов. Секунду спустя он разжал пальцы, позволяя привычному теплу ускользнуть из рук.

— Ты всегда любишь загонять меня в угол, Янь Хуайцзинь... Разве ты не хотел знать, что я сделал в ту ночь?

Его лицо преобразилось: когда он вновь поднял глаза, на губах играла изящная, но исполненная зловещей решимости улыбка.

— Смотри внимательно. Я приготовил тебе подарок.

Встретившись с глубоким, испытующим взглядом мужчины, Шэнь Фань поднял левую руку, в которой сжимал миниатюрный пульт. Он улыбнулся и, не колеблясь, нажал на красную кнопку.

В одно мгновение яркий свет в зале погас. Раздались испуганные женские вскрики.

Секундой позже на белой стене для проекций внезапно вспыхнуло увеличенное изображение.

В течение следующей минуты в огромном зале воцарилась гробовая тишина. Даже дыхание сотен гостей, казалось, замерло.

На снимке, сделанном при тусклом свете, в центре находилось широкое, удобное кожаное кресло. Мужчина в темно-синем мундире полулежал в нем, откинув голову назад, рукой придерживая фуражку. Среди растрепанных серебристых волос его глаза, обычно излучавшие холодную сталь, были плотно закрыты. Сжатые губы казались немым, скрытым намеком. Такое выражение лица, никогда прежде не виданное окружающими, было настолько сексуальным, что у всех перехватило дыхание.

Его длинные, стройные ноги были широко разведены. Человек, припавший к его коленям, был виден лишь со спины: изящная шея, черные пряди волос и линия плеч в небесно-голубом костюме. Одна рука, тонкая и красивая, лежала на черном кожаном сапоге, другая крепко сжимала ремень брюк, отчего пальцы побелели до предела. А маленькое синее украшение на бледной коже казалось вызывающе ярким.

Эта порочная и шокирующая сцена заставила всех присутствующих в зале широко раскрыть глаза от ужаса и изумления.

В темноте Шэнь Фань был единственным, кто крепко зажмурился. Улыбка все еще не сходила с его губ. Он почти физически ощущал, как после включения света на него будут смотреть с отвращением и злобой. Его маска благородного джентльмена была сорвана, обнажив уродливое нутро. Скорее всего, его ждала позорная гибель под гнетом людских пересудов.

А тот человек... тот наверняка сдержит слово и будет избегать его, как чумы.

...Но и это было неплохо. Даже если после этого «выхода в свет» его ждет уничтожение, после стольких лет жизни во тьме, самым худшим исходом было бы лишь то, что его возлюбленный будет гнать его прочь.

В темноте Шэнь Фань рассмеялся. Его голос, негромкий и не скрывающий эмоций, прозвучал для всех так же, как и всегда — изящно и отстраненно.

— Это мой подарок тебе. Нравится?

Его слова, прозвучавшие в мертвой тишине зала, словно удар колокола, потрясли оцепенелых гостей.

Сначала тишина, а затем — шквал негодования.

В следующую секунду сквозь поднявшийся шум он услышал низкий, лишенный лишних эмоций голос:

— Ты когда-нибудь повзрослеешь?

Его запястье сжалось — пульт вырвали из рук, а самого Шэнь Фаня с непреодолимой силой потянули в неизвестность.

На мгновение Шэнь Фань почувствовал странное замешательство, а сердце, которое, как он думал, уже умерло, вдруг забилось с бешеной силой, словно пытаясь вырваться из груди.

...Все-таки ты по-прежнему имеешь надо мной такую власть.

Когда его, под конвоем личной охраны, поставили на колени перед пылающим от гнева отцом, Шэнь Фань все еще улыбался. Он прекрасно понимал, что его ждет.

До того как его вышвырнут из семьи, даже если отец прикажет забить его до смерти в родовом храме, ни один человек, включая главу империи, не посмеет замолвить за него слово. А судя по тому, как сильно гневался отец — человек, который даже под угрозой смерти не терял самообладания — вероятность того, что сегодня его забьют до смерти драконьей плетью перед ликами предков, была практически стопроцентной.

Репутация семьи Шэнь, веками стоявшей на страже империи, была разрушена этим снимком. И одной его жизни было мало, чтобы смыть этот позор.

— Янь Хуайцзинь... Я люблю его, а он меня нет, — Шэнь Фань, стоя на коленях на холодном полу, выпрямился и прямо посмотрел в глаза отцу. Его улыбка была искренней. — Это я подсыпал ему снадобье, и это я сделал снимки.

Сказав это, он закрыл глаза, ожидая удара плетью, от которого боль пронзит до самых костей.

Но удара не последовало.

Шэнь Фань открыл глаза. Это был единственный неожиданный момент за весь вечер, словно что-то уже вышло из-под контроля. Его улыбка застыла.

Шэнь Тянь, вновь обретая ледяное спокойствие, смотрел на него сверху вниз:

— Семья Шэнь обязана Хуайцзиню жизнью. Все, что он сделал, не имеет к тебе никакого отношения, не нужно тешить себя иллюзиями. Это то, что он просил передать тебе, уходя десять минут назад.

Стекло спокойствия в глазах Шэнь Фаня разбилось вдребезги.

Глядя на молчаливого, застывшего сына, Шэнь Тянь поднялся и направился во внутренние покои. На пороге он остановился, полуобернулся, но не до конца. Он закрыл глаза, словно вздохнув:

— Это ты стащил его с пьедестала и низверг в мир смертных... Это ты погубил его, Шэнь Фань.

В пустой комнате Шэнь Фань долго оставался неподвижным. Очнувшись, он резко поднял голову и, глядя на закрытую дверь, закричал, исказившись от боли:

— Но это не имеет к нему отношения! Это я погубил его, значит, я должен нести наказание! Это я был самонадеян, значит, я должен заплатить! Вы не можете позволить ему нести это бремя!

Из внутренних покоев донесся голос отца:

— Я не позволю тебе погубить себя и семью ради мужчины... К тому же, это был его выбор, и к тебе он не имеет отношения.

Его силой заперли в комнате. Шэнь Фань лежал на кровати посреди спальни, глядя в потолок пустыми глазами.

До тех пор, пока в углу комнаты не погас крошечный красный огонек. Все эмоции вмиг

исчезли с лица Шэнь Фаня.

Он сжал бледные, изящные пальцы в кулак и с силой ударил по кровати:

— Я согласен.

В ту же секунду кровать под ним ярко вспыхнула. Раздался тихий, похожий на торжествующий стон звук, и мелкие искры света взмыли в воздух, поглощая Шэнь Фаня и увлекая его в бесконечную пустоту.

А за сотни миль от поместья, на дороге к резиденции главы империи, Янь Хуайцзинь, сжимавший в руках лист об отречении, исчез в точно таком же сиянии.

<http://bllate.org/book/21680/2236407>